

◆ Валерий Введенский ◆

Валерий Введенский

Мертвый час

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Введенский, Валерий Владимирович.
В24 Мертвый час / Валерий Введенский. —
Москва : Эксмо, 2024. — 544 с.— (Истори-
ческий детективъ Николая Свечина и Вале-
рия Введенского).

ISBN 978-5-04-201967-8

Санкт-Петербург, 1871 год. Чиновник сыск-
ной полиции Арсений Яблочков расследует ис-
чезновение юной Капы Гневышевой и убийство
ее брата Костика. Поиски приводят его в дач-
ный домик в одном из предместий, где он нахо-
дит окровавленный носовой платок пропавшей
девушки. Однако выяснить, что произошло, ему
не удастся — сыщика оглушают ударом по голо-
ве, а домик поджигают...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201967-8

© Введенский В.В., 2024
© Оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2024

Памяти родителей
Автор благодарит Ивана Скобеева
и Наталью Мирскую за помощь,
поправки и замечания

ПРОЛОГ

Путь из третьего Парголова, где начальник сыскной полиции Иван Дмитриевич Крутилин снимал для семьи дачу, до Большой Морской неблизок, потому по понедельникам, после единственного выходного, он приезжал в сыскное лишь к одиннадцати. А десятого августа 1870 года и вовсе явился в двенадцать — лошадь по дороге потеряла подкову, пришлось менять пролетку. Поприветствовав немногочисленный штат, Крутилин уединился в кабинете, чтоб ознакомиться с бумагами, поступившими от обер-полицмейстера.

Всем известно, что найденная подкова к удаче, а потерянная — наоборот. Примета сия не преминула сбыться. Сверху в папке лежала телеграмма с грозной резолюцией: «Принять меры к отысканию убийцы». Крутилин пробежался по строчкам и в сердцах отбросил депешу на самый край огромного стола.

Этого еще не хватало!

Крикнул, чтоб принесли чай, нервным движением протер очки, потом, не вставая, дотянулся до

телеграммы и перечитал. На сей раз вдумчиво, медленно, даже не по слогам — по буквам.

Депеша изобиловала тчк, зпт, отсутствием предлогов и связующих частиц. Для ее дешифровки требуется особый навык, потому оригинальный текст опустим, изложим суть: в минувшую субботу на Николаевском вокзале Москвы¹ носильщик Мелентьев, перенося сундук, почувствовал характерный тошнотворный запах. Он сообщил о том кладовщику, тот вызвал полицейского. С разрешения одного сундук вскрыли и обнаружили внутри полуразложившийся женский труп, прикрытый платьями.

Получательница багажа, крестьянка Маланья Варфоломеева, опознала в покойной свою хозяйку Екатерину Мызникову, из дворян, известную театрам под сценическим псевдонимом Красовская. Причиной смерти актрисы стала огнестрельная рана от револьверной пули сорок четвертого калибра. Сундук был сдан самой Варфоломеевой двадцать пятого июля на петербургском Николаевском вокзале², прибыл в Москву двадцать седьмого и тогда же оставлен на временное хранение.

Иван Дмитриевич посчитал на пальцах. Однако! Шестнадцать дней прошло.

— Кажись, поторопился Федор Федорович с резолюцией,— сказал он себе.— Не наше это

¹ Ныне Ленинградский.

² Ныне Московский.

дело. Пущай москвичи расхлебывают. Вот ведь орлы. Лишь бы от себя отпихнуть. Нет, господин судебный следователь Барбасов (так была подписана телеграмма), не выйдет у вас сей фокус. Где сядете, там и слезете. Что-что говорите? Сундук в Питере сдали? А есть доказательства, что актрисульку именно тут пристрелили? Вдруг по дороге? Или в вашей Москве? Молчите? Что? Что? Ах, труп у вас сильно разложился. А про жару, батенька, позабыли? Зря! Больше месяца уже стоит. Мой вам совет, голубчик Барбасов: не тратьте казенные деньги на глупые телеграммки. Допросите-ка лучше эту Варфоломееву поостроже да поподробней. Наверняка причастна. Наверняка!

Одержав воображаемую победу над провинциальным следователем, Крутилин со спокойной душой отложил телеграмму. Но, взяв из папки следующий листок, понял, что обер-полицмейстер грозную резолюцию наложил не с бухты-баракты, а следователь Барбасов дело свое знает и в советах Крутилина не нуждается: сразу после обнаружения страшной находки он задержал Маланью Варфоломееву, провел допрос и успел выслать с курьерским копию его протокола в Петербург.

Снова изложим суть: Маланья Варфоломеева, тридцати одного года, служила у Красовской более пяти лет. Последний раз хозяйку свою видела вечером 24 июля, после последнего в Петербурге спектакля. Следующее представление частной труппы антрепренера Кораллова, в которой Красовская числилась, должно было состояться лишь через

две недели на ярмарке в Нижнем Новгороде. Паузу в гастролях актриса собиралась заполнить следующим образом: сначала посещением московской подруги, от нее отправиться в Курскую губернию, в имение, доставшееся актрисе после кончины супруга, оттуда обратно в Москву и уже из Первопрестольной по чугунке¹ в Нижний. Перевозить свои сценические костюмы вместе с декорациями Красовская-Мызникова не позволила: вдруг потеряют или попортят? Поэтому после спектакля Маланья их собрала, уложила в злосчастный сундук и перевезла из Озерков, где выступала труппа, в двухэтажный флигель по адресу: Артиллерийская улица, дом три, который на время гастролей снимала актриса.

Упоминание Озерков освежило память. Иван Дмитриевич припомнил, что Красовскую видел лично. Супруга его, Прасковья Матвеевна, изнывавшая от дачной скуки, в одно из воскресений потащила Крутилина в театр, где, помимо прочего, играли отрывки из «Гамлета»². Начальник сыскной остался в недоумении: почему Офелию, юную девочку, играла дама этак под пятьдесят, а вот Гертруду, мать Гамлета, молоденькая барышня? После представления Прасковья Матвеевна попыталась

¹ Железная дорога.

² До середины 70-х годов XIX века играть пьесу целиком имели право лишь государственные труппы. Частные на своих спектаклях были вынуждены играть отрывки из разных произведений.

втолковать мужу, что возраст в театре не важен, главное — талант, а его у Красовской-Офелии хоть отбавляй, но Крутилин не переубедился. По сей день считал, что тем актрискам надо было обменяться ролями.

Задержавшись на прощальном банкете, Красовская вернулась во флигель около одиннадцати вечера, приказала Маланье подать в спальню фрукты и бутылку бургундского, а затем велела служанке удалиться из дома на всю ночь.

Сей факт так удивил Барбасова, что он с предельной дотошностью выпросил у Варфоломеевой подробности. По словам Маланьи, хозяйка ее правил была строгих. Поклонникам и воздыхателям лишь улыбалась, с мужем жила душа в душу, ссорилась с ним, лишь когда тот намулындится. И как в воду глядела — прошлым летом барин по пьяни утонул. В трауре Красовская блюла себя еще строже, даже на сцену выходила с плерезами¹, а ухажеров по-прежнему не подпускала. Однако приехав в июне в Петербург, неожиданно отказалась проживать вместе с труппой в меблированных комнатах. Жилье подобрала и оплачивала сама, остановив выбор на двухэтажном флигеле с отдельным входом, в котором два раза в неделю ее посещал мужчина. Как его звали, Маланья не знает — ни разу не видела — Красовская перед свиданиями (они всегда происходили днем) отсылала ее, ино-

¹ Легко спарываемые нашивки белого цвета на рукава и воротник, носили их в знак траура.

гда с поручениями, иногда без. Всегда по возвращении Маланья находила в спальне хозяйки смятую постель, пустую бутылку из-под бургундского или шабли, два использованных бокала и пепельницу с сигарным окурком.

Но на ночь ее отослали один-единственный раз — 24 июля. Получив от хозяйки полтора рубля на ночлег в меблированных комнатах, Маланья распорядилась ими по-своему: полтинник оставила на извозчика, а рубль истратила в ближайшем трактире: накупила селедок, фунт вареной колбасы, пирогов с печенкой да полуштоф¹ столового вина² для себя и милого дружка, ломового извозчика Дорофея Любого. Приглянулся он ей сразу по приезде в Петербург, когда вещи с вокзала перевозил. О серьезных отношениях речь не шла, где-то в Калужской у Дорофея имелась жена с тремя детишками, да и у самой Маланьи обзаконенный супруг наличествовал. Все пять лет, что провела в услужении у Красовской, ни разу его не видала, потому была не прочь попутаться с Дорофеем, он с ней тоже.

Приехав нежданно-негаданно к полюбовнику, Маланья обнаружила в его комнатухе развеселую компанию: двух приятелей-ломовиков, одного гужбана³ и четырех прачек с соседней улицы. Конечно, не так она представляла себе прощальную ночь, когда, прижав к груди пироги с водкой, ле-

¹ Бутылка емкостью 0,6 литра.

² Водка.

³ Легковые извозчики, перевозившие пассажиров.

тела к дружку на извозчике. Однако деваться было некуда, потому ревностной обиды своей не предъявила, просто присоединилась к компании. Гуляли до самого утра: завтрашняя суббота по причине праздника, Успения Богородицы, была нерабочей. Проводив гостей в семь утра, Дорофей с Маланьей рухнули на кровать без чувств и задряхли.

Проснулась Варфоломеева от грохота адмиралтейской пушки. «Господи, 12 утра! Ей же барыню одевать». Та с самого утра собиралась отправиться с прощальными визитами. Уже через минуту Маланья мчалась в пролетке. Добралась в пять минут, а барыни-то дома и нет. Хорошо, у Варфоломеевой ключ был, не то пришлось бы в окно лезть, благо в спальне актрисы оно было открыто. Войдя во флигель, Маланья поднялась на второй этаж. Постель не разобрана, вино и фрукты нетронуты, дорожный костюм из кашемира войлочного цвета, что барыня в вагон собиралась надеть, висит в шкафу. А вот сафьянового ридикюля, в котором Красовская хранила три тысячи рублей сторублевыми купюрами, в спальне не оказалось.

Маланья призадумалась, что сие значит? Однако объяснение придумала быстро: ухажер с сигарой решил их последнее с Красовской свидание в своем жилище провести. А значит, барыня с минуты на минуту вернется.

Варфоломеева сходила за щепками, вскипятила самовар, выпила чаю. После бессонной ночи глаза слипались. Решила прилечь, всего на минутку... Вскочила в пять вечера от настойчивого стука

в дверь. То Дорофей, как и было условлено, за вещами приехал. На вокзал пора.

Маланья засомневалась. Кто ж барыню переоденет? В целях экономии Красовская себе купила билет на одиннадцатичасовой курьерский, а служанке — на самый дешевый почтово-пассажирский, который отходит в восемь вечера. Если и дальше ожидать хозяйку, Маланья не успеет сдать вещи в багаж. Решила ехать на вокзал. Если барыня все же вернется, переодеться ей поможет дворничиха Дуня, если нет, она же перешлет дорожный костюм в Москву.

Муж Дуни, Тимоха, сильно выпимший, потому что праздновал с самого утра, вместе с Дорофеем погрузил вещи в телегу. Злополучный сундук показался мужикам чересчур тяжелым, за что они Маланью всяческими словами отругали. Но та решила, что подшучивают, ведь, кроме сценических нарядов, ничего туда не клала. Прибыв на Николаевский вокзал, Варфоломеева сдала вещи в багаж, получила квитанции, попрощалась с Дорофеем, нашла свой вагон третьего класса, успела занять место у окошечка, притулилась к нему и снова заснула.

Курьерский летит, словно птица сапсан, аж за двадцать часов путь преодолевает и прибывает в Первопрестольную в семь пополудни. Почтово-пассажирский плетется двадцать девять часов. Потому, выехав раньше курьерского на три часа, в Москву Маланья попала гораздо позже его, в час ночи. Поручила носильщику получить из багажного вагона вещи и погрузить на извозчика. Все, кроме

сундука. Его, согласно указанию хозяйки, сдала на временное хранение.

Крутилин, хлебнув кяхтинского чая, призадумался: а почему вдруг Красовская, так дорожившая сценическими костюмами, решила их на вокзале хранить? Однако быстро отыскал резон: а зачем их взад-вперед, в Курскую и обратно, возить? Там они без надобности.

В третьем часу ночи Маланья добралась до Остоженки, где квартировала подруга Красовской, актриса Людмила Замшина, сценический псевдоним — Захаржевская. Ей долго не открывали, Варфоломеева даже взволновалась, вдруг адрес неверно запомнила? Но когда наконец заспанная кухарка впустила ее в дом, волнение Маланьи лишь усилилось. Красовская и здесь не появлялась.

Утром Маланья решила идти в полицию, чтобы заявить об исчезновении хозяйки. Однако Замшина-Захаржевская запретила сие категорически: «Катенька наконец свободная птичка. Покойный Мызников шагу ей ступить не давал, по всем гастролям таскался! Пусть хоть Катенька напоследок погуляет. Лет-то ей уже, страшно сказать. Наверняка в вагоне раззнакомилась. Небось сейчас за городом пирует, в «Яре» или «Стрельне». Не волнуйся, нагуляется — вернется».

Однако через пару дней забеспокоилась и Замшина. Дали телеграмму в курское имение, вскоре получили ответ: «Барыня не приезжала». С ним отправились в часть, но помощник пристава заявление не принял: «Делать нам, что ли,

нечего, загулявших актрис разыскивать? Сама объявится».

В пятницу, 7 августа, к Замшиной неожиданно заехал антрепренер Кораллов. Она рассказала ему о таинственном исчезновении Красовской, что сильно его растревожило. Заподозрил даже, что ведущая актриса, давно мучившая его требованием поднять жалованье, переметнулась к конкуренту. В отчаянии (первый спектакль на ярмарке уже в понедельник) Кораллов предложил Замшиной ехать в Нижний вместо Красовской. Та с радостью согласилась. И повелела Маланье привезти ей сценические костюмы для примерки.

В субботу утром Маланья отправилась за сундуком на вокзал, где и была задержана.

Иван Дмитриевич потерял руки. Чуйка, по-научному интуиция, и на сей раз его не подвела. Даже если вдруг Маланья не убийца, то точно соучастница. Хитрая какая тварь! Ловко как тело спрятала. И врет удивительно складно. Однако самоуверенна чересчур. Ей исчезнуть бы, испариться. Ан нет, полезла на рожон, задумала честное имя сохранить, непричастность свою разыграть.

«Уж я ей покажу!» — Крутилин погрозил пальцем зеркалу, к которому подошел, чтобы расчесать пышные бакенбарды.

Покойный Николай Первый растительность на лице считал признаком вольнодумства, потому категорически запретил дворянам и чиновникам ее

носить. Сын его, реформатор Александр, сей запрет несколько ослабил, дозволив бакенбарды, которыми щеголял и сам.

Картина преступления великому сыщику была уже ясна. После спектакля Маланья поручили перевезти сундук с костюмами из Озерков на Артиллерийскую. Кого она наняла? Конечно же, любовника. Ехали медленно, в тоске, завтра — неизбежное расставание навсегда. Дорофей осторожно спросил, много ли у барыни наличных? Маланья ответила, что куры не клюют. «Давай ее ограбим и убежим с тобой куда-нибудь далеко, где нас никто не знает. Купим трактир или постоянный двор, заживем как люди, ты мне мальчиков с девочками нарожаешь», — предложил Дорофей. Маланья колебалась, мол, поймают нас. Ломовик обнял ее, поцеловал страстно: «Не бойсь! Усе продумал. Две недели хозяйку твою искать никто не будет». Варфоломеева возразила: «А Захаржевская? А управляющий в имении?» Дорофей улыбнулся: «Телеграмму им дашь от ее имени, мол, поездка отменяется». Маланья в ответ: «Нет, Дорофейчик, нет! Подозрение на меня падет. Давай лучше так...»

И предложила свой план, который и превратили: выгрузив сундук, Дорофей спрятался в спальне. Когда туда вошла Красовская, вытащил из-за пазухи револьвер...

— Тпру! — скомандовал разогнавшимся мыслям Крутилин.

Револьвер 44-го калибра¹ в придуманную им картину ну никак не вписывался. Простолюдин Дорофей мог жертву удавить, пырнуть ножом, оглушить кастетом, кистенем приложить... Но вот выстрелить из «кольта» или «ремингтона», а именно они способны подобные дырки в теле проделать, нет, увольте. Штуки эти дорогие, не меньше пятнадцати рублей стоят. Потому российским злодеям пока не по карману. Ходят слухи, что в Штатах Североамериканских уже все разбойники такими обзавелись, но Крутилин глупым сплетням не верил: неужели заокеанские мазурики столь состоятельны?

А вдруг Дорофей офицера какого ограбил?

Предположение приободрило. Почему, собственно, нет? Но до конца не успокоило. Многолетний опыт гадко нашептывал: преступление — словно костюм от хорошего портного, должно подойти подозреваемому идеально. А ежели не налазит, ищи другого. Ухажера с сигарой. Сигары тоже недешевы, значит, и покупка револьвера ухажера не разорила бы.

Эх, неспроста кобыла подкову потеряла. Пакостное дело, пакостное. Красовская сделала все, чтобы сохранить ухажеру инкогнито. Где теперь его искать? Наверняка он из высших сфер. Если даже чудом каким разыщется, сыскарей на порог не пустит. «Как смеете подозревать?» Чтоб показания получить, придется обер-полицмей-

¹ 11 мм.

стера привлекать. А как эти показания проверить? В высших сферах у Крутилина осведомителей нет.

Ах, если бы не револьвер. А пусть бы и револьвер, кабы в сундуке нашелся. Самоубийства нынче в моде. Никто бы и не удивился. Но, увы, Красовская не покончила с собой—ее убили. И, вероятнее всего, в ночь после последнего спектакля. Потому что на трупе платье из шелка лилово-сероватого отлива, в котором актриса блистала на прощальном банкете.

Крутилин вернулся к столу, сел, положил в рот кусочек колотого сахара, покатал, пока тот не распался на крупинки, сделал глоток чая. Ух, какое дело нехорошее. Хуже и не бывает. Личность убита известная, можно сказать, знаменитая, репортеры накинутся, что мухи на экскремент. Писать им летом не о чем—затишье, все, кому кошелек позволяет, на дачах или в Крыму. Вот и будут каждый день смаковать: «Загадочное убийство все еще не раскрыто», «Труп из сундука вызывает к возмездию», «Чем занята полиция?»

Кстати, а что в газетах?

Новый чиновник для поручений, Арсений Иванович Яблочков, словно ждал команду их принести. Иван Дмитриевич быстро просмотрел криминальные колонки. Шило, конечно, утаить в мешке невозможно, в каждой газете имелась маленькая заметка о том, что в Москве найдена мертвой актриса Екатерина Красовская. Но без подробностей.

«Молодец Барбасов»,— проникся уважением к московскому следователю Крутилин.— И расследование провел на ура, и протокол умудрился переслать, и репортерам лишнего не сболтнул».

Яблочков деликатно кашлянул.

— Шо тебе?

Крутилин, выбившийся в надворные советники с самых низов, когда с начальниками говорил— слова подбирал, а вот с подчиненными простецкий свой говор скрывать не пытался.

— Тимофей Саночкин, дворник с Артиллерийской, доставлен.

Крутилин нахмурил кустистые брови:

— Допрежь¹ меня прочел?— спросил он, указав на телеграмму.

— Простите, сдуру,— смутился под грозным взором Яблочков.— Курьер от обер-полицмейстера сообщил, что дело срочное, а вы, ваше высокоблагородие, задерживались. Но впредь ни-ни. Как лучше хотел...

— И впредь так поступай,— оборвал его Крутилин.— Мало ли где я задержался? Может, меня и на свете этом больше нету. Служба у нас, сам знаешь,— всякое может приключиться. А шо тебе не положено знать— в запечатанных конвертах приносят.

Окончательного мнения о Яблочкове Крутилин пока не составил. Из положительных качеств: умен, образован, с интуицией порядок (в сыщицком деле она ох как необходима), инициативен. Из отрицательных: желания Ивана Дмитриевича стремится

¹ Прежде (*простореч.*).